

Отзыв
на диссертацию А.С. Касьяна
«Клинописные языки Анатолии
(хаттский, хуррито-урартские, анатолийские):
проблемы этимологии и грамматики»,
представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Алексея Сергеевича Касьяна посвящено различным вопросам этимологии и грамматики клинописных языков Древней Анатолии – хаттского, хуррито-урартских и анатолийских. Эти языки предоставляют исследователю чрезвычайно важные свидетельства для восстановления истории Кавказа и Анатолии как письменной, так и дописьменной эпохи. Анатолийские языки имеют большое значение для индоевропеистики, поскольку хеттские тексты – самые древние из индоевропейских, при этом их корпус достаточно обширен и разнообразен по жанровой принадлежности. Кроме того, анатолийские языки представляют собой первое ответвление от общеиндоевропейского ствола, приобретая тем самым особую важность для индоевропейской реконструкции.

Диссертация состоит из введения, трёх больших разделов и заключения. Во введении ставятся цели и задачи работы, обосновывается её теоретическая и практическая значимость, описываются материал и методы исследования, а также выдвигаются основные положения, выносимые на защиту.

Первый раздел диссертационного исследования А.С. Касьяна посвящён хаттскому языку. Он состоит из двух глав. В первой из них автор даёт компактное, но при этом очень ёмкое синхроническое описание грамматики хаттского языка, учитывающее как новейшие данные по этому языку, так и современные стандарты грамматического описания. Очерк грамматики хаттского языка выполнен в виде чётких, аккуратно составленных таблиц и пояснений к ним, где эксплицитно указывается степень надёжности каждого грамматического решения. К сожалению, в силу своей краткости (что необходимо для того, чтобы объём диссертации в целом не вышел за разумные рамки) этот очерк не содержит таких примеров, которые бы позволили читателю верифицировать высказываемые автором диссертационной работы гипотезы.

Необходимо отметить чёткость и внятность изложения, автор не замечает под ковёр неясные моменты, таким образом, читатель может составить адекватное представление о нынешней степени изученности хаттского языка

Вторая глава первого раздела содержит обоснование выдвигаемой автором гипотезы о сино-кавказской принадлежности хаттского языка. Фактически, в работе представлен этимологический словарь хаттского языка, имеющий самостоятельную научную ценность. В этом словаре выявлены иноязычные заимствования, а для существенной части оставшейся лексики предложены сино-кавказские этимологии – из примерно двухсот хаттских слов с установленным значением сино-кавказские параллели выявлены у семидесяти. А.С. Касьян с огромной тщательностью подходит к анализу изучаемого им материала. Для того, чтобы как можно точнее установить значения слов, он анализирует как графику, так и грамматику памятников, уделяя внимание в том числе реконструкции повреждённых фрагментов текстов.

Список предлагаемых этимологий разделён, во-первых, на этимологии корней и этимологии аффиксальных морфем, а во-вторых – на надёжные и не очень надёжные сближения. При этом в ненадёжные автор помещает и те, что демонстрируют фонетическое и семантическое сходство, но при этом не полную регулярность

соответствий – это свидетельствует о высоких этимологических стандартах, которых придерживается А.С. Касьян.

В работе убедительно показано, что хаттский язык не может быть напрямую сопоставлен с абхазо-адыгским праязыком (как считалось ранее) – как в силу того, что хаттский существовал ранее распада праабхазо-адыгского, так и в силу структурных различий. Имеющиеся же структурные сходства объединяют хаттский не только с праабхазо-адыгским, но и с другими языками сино-кавказской макросемьи.

Предлагаемая в диссертационном исследовании система регулярных фонетических соответствий между хаттским и сино-кавказским достаточно проста и логична. Соотношение количества слов, общих у хаттского языка с другими сино-кавказскими языками, показывает, что хаттский, по-видимому, образует отдельную семью в рамках сино-кавказского единства, наиболее близкую к енисейским языкам и бурушаски (объединяющимся в единый кластер).

Проведённое исследование позволило А.С. Касьяну построить историческую схему расселения сино-кавказских племён и обосновать её как лингвистически, так и археологически.

Второй раздел диссертационной работы посвящён хуррито-урартским языкам. Хурритский язык имеет несколько диалектов, засвидетельствованных в памятниках разных клинописных систем, в частности, часть документов написана алфавитной угаритской клинописью. Памятники эти датируются временем примерно с XXIII в. по конец 2-го тыс. до н. э. и происходят с территории юго-востока современной Турции, севера Сирии и севера Ирака. Урартский язык фиксируется как официальный язык Урартской империи (располагавшейся на территории современной Армении и прилегающих юго-западных областей) в первой половине первого тысячелетия до н. э. В работе были учтены как монументальные надписи на камне, так и хозяйственно-бытовые документы на глине. Таким образом, в качестве материалов исследования были использованы данные абсолютно всех известных к настоящему времени памятников хурритского и урартского языков, что обеспечивает выводам автора высокую степень надёжности.

В первой главе раздела проводится лексикостатистическое исследование, призванное определить место хуррито-урартских языков в генеалогической картине языков Евразии.

Для хурритских диалектов удаётся заполнить 65 позиций в 110-словном списке (110-словный список представляет собой классический стословный список Сводеша с добавлением 10 слов, предложенных С.Е. Яхонтовым), для более скудно засвидетельствованного урартского языка – около 22 позиций. При этом для каждой приводимой хурритской и урартской формы указывается памятник, в котором эта форма встречается, что свидетельствует о высоком качестве работы.

Далее в диссертации производится сопоставление хуррито-урартских корней с этимонами сходной семантики из семей различных семей Евразии и Северной Африки: индоевропейской, картвельской, уральской, алтайской, дравидийской, семитской, египетской, чадской, берберской, кушитской и омотской. Во всех этих случаях результат получается близким к нулю, на уровне случайных совпадений. Более продуктивным оказывается сопоставление с сино-кавказскими языками: из 65 единиц 110-слового списка 12 имеют параллели в праязыках ветвей сино-кавказской макросемьи. При этом все эти 12 слов попадают в наиболее устойчивую половину сводешевского списка, что является весьма весомым свидетельством родства.

А.С. Касьян последовательно различает предварительную и классическую лексикостатистику. Вторая возможна лишь в том случае, когда родство уже доказано, этимология разработана; она служит цели установления датировок дивергенции ветвей внутри семьи. В случае, когда родство лишь предполагается (а с хуррито-урартскими языками ситуация именно такова), возможна лишь предварительная лексикостатистика,

которая оперирует не регулярными фонетическими соответствиями, а фонетической совместимостью и имеет целью оценить вероятность того, что рассматриваемые языки родственны. В этом случае чрезвычайно важны строгие критерии фонетической совместимости, и А.С. Касьян последовательно этих критериев придерживается. Фонетическую совместимость он считает по методу консонантных классов, но сами классы в его работе выделяются более дробно, чем у А.Б. Долгопольского, что обеспечивает исследованию А.С. Касьяна большую точность. Ещё один метод повышения точности, используемый автором, состоит в том, что как совпадающие отмечаются лишь те корни, у которых фонетически совместимыми оказываются два согласных (одним из них может быть нулевой согласный, условно включаемый в транскрипцию слов, начинающихся на гласный).

Анализ тщательнейшим образом собранного 110-словного списка базисной лексики хуррито-урартских языков приводит автора к заключению, что хуррито-урартские языки не принадлежат к числу нахско-дагестанских и даже к числу северокавказских языков, а формируют отдельную ветвь сино-кавказской макросемьи, так же, как и хаттский, оказываясь наиболее близкими к кластеру бурушаски и енисейских языков.

Во второй главе второго раздела А.С. Касьян рассматривает шумерский язык и его возможные связи. Для этого он сопоставляет список базисной лексики шумерского языка с хуррито-урартским списком – в итоге получается 65 заполненных позиций; из них имеется шесть (или, при альтернативном способе подсчёта, пять), которые демонстрируют фонетическую совместимость по двум согласным (включая нулевой согласный в начале слова).

Вероятность того, что обнаруженные схождения представляют собой случайные совпадения, была оценена в работе с помощью перестановочного теста. Этот простой и надёжный метод позволил автору сделать вывод, что выявленные совпадения не случайны с вероятностью, превышающей стандартный порог допустимости. Более того, использование более тонкого разбиения согласных на консонантные классы увеличивает вероятность неслучайности. Ещё более примечательно совпадение гласных (к сожалению, по техническим причинам автору не удалось произвести статистические подсчёты с учётом вокализма).

Однако, как отмечает автор, шумеро-хурритские сближения едва ли могут быть следствием происхождения этих языков из единого языка-предка, поскольку распад этого гипотетического праязыка, как показывают произведённые в работе подсчёты, датируется временем 12 000 до н.э. (таким образом, шумерский и хуррито-урартские языки должны были бы развиваться независимо друг от друга в течение десяти тысячелетий), а в этом случае фонетические соответствия должны были бы быть не столь прозрачными. Соответственно, А.С. Касьян делает вывод, что наиболее вероятным объяснением наблюдаемых сходств между шумерским и хуррито-урартским является прерванный языковой сдвиг – либо некоторое изначально шумероязычное племя было ассимилировано хуррито-урартами, либо, наоборот, хуррито-урарты были ассимилированы шумерами. Для обоснования гипотезы прерванного языкового сдвига автор предлагает и типологически обосновывает некоторые новые положения теории языковых контактов.

Судя по тому, что большинство найденных автором шумеро-хурритских сближений не имеет сино-кавказских этимологий, более вероятно, отмечает автор, что шумерский (или родственный ему) язык послужил субстратом для хуррито-урартского.

В этой же главе даётся обоснованный критический комментарий к спискам базисной лексики, используемым в проекте «World Loanword Database», показано недостаточное качество составления этих списков, а также недостаточное количество собранных списков для статистических подсчётов.

Последний раздел диссертационной работы посвящён анатолийским языкам, в первую очередь этимологизации хеттской базисной лексики. А.С. Касьян нашёл

ностратические этимологии для примерно сорока базисных анатолийских (в первую очередь, хеттских) слов, не имеющих индоевропейских параллелей. Как и в хаттском разделе, этимологии подразделены на надёжные и менее надёжные.

Отдельный параграф посвящён этимологии анатолийского числительного «4» и вытекающей из этого реконструкции праиндоевропейской системы числительных. Согласно гипотезе А.С. Касьяна, десятичная система возникла достаточно поздно, а исходной для праиндоевропейского языка была система, в которой были числительные «1», «2», «3» и «более 3, несколько, много». Ностратическая система счёта, по мнению автора диссертационного исследования, состояла из слов «1», «2» и «более 2, несколько, много». На широком типологическом материале А.С. Касьян показывает, что такие системы счёта в языках мира достаточно распространены, а также выявляет источники расширения таких систем и возникновения обозначений для последующих членов числового ряда.

Завершает последний раздел 110-словный список для хеттского языка, составленный в соответствии с высокими лексикографическими стандартами, принятыми в проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных / Global Lexicostatistical Database». Все лексемы списка снабжены необходимым графическим, фонетическим, морфосинтаксическим и семантическим комментарием, а также указанием – в случае наличия – индоевропейской этимологии. Можно было бы добавить, что значения «зелёный» и «жёлтый» (№ 35 и № 100) были, видимо, связаны не только в хеттском, но и вообще в индоевропейском, ср. санскритский корень *har-*, дающий производные как с тем, так и с другим значением. Тохарское соответствие хеттской «единице» имеет полную падежную парадигму с различением форм мужского и женского рода, единственного и множественного числа и по своему склонению, а отчасти и по употреблению примыкает к местоимениям – что добавляет убедительности гипотезе А.С. Касьяна о связи этого слова с местоимением «этот».

В целом работа А.С. Касьяна демонстрирует чрезвычайно высокую квалификацию автора и очень тщательную проработку исследуемого материала. Однако, повинаясь требованиям жанра, перехожу к критическим замечаниям. На стр. 37 автор пишет, что в опативе используются показатели субъекта и прямого объекта, но в приводимых формах соответствующие показатели присутствуют далеко не всегда. Может быть, точнее было бы сказать, что данные показатели не «используются», а «могут использоваться». В исследовании хаттского стословника (стр. 168–173) А.С. Касьян несколько отступает от стандартной процедуры, сопоставляя слова с нетождественным значением: например, «солнце» с «чистым небом»/«ясной погодой», «видеть» с «искать», «голову» с «виском», «долго» с «часто» и т.д. Как хаттский, и хуррито-урартские языки, согласно гипотезе А.С. Касьяна, входят в сино-кавказскую макросемью, обнаруживая при этом особую близость к енисейским языкам и языку бурушаски (образующим кластер). Но при этом никакой специфической близости между собой хаттский и хуррито-урартские языки не образуют. Из 110-слового списка имеется около полутора десятков единиц, которые зафиксированы и в хаттском, и в хуррито-урартских. Согласно глоттохронологическим подсчётам, общий праязык для енисейского и бурушаски распадается в середине седьмого тысячелетия до н.э., хаттский язык засвидетельствован памятниками второго тысячелетия до н.э., распад хуррито-урартского датируется серединой третьего тысячелетия до н.э., – таким образом, эти языки отделяет друг от друга порядка четырёх тысяч лет независимого развития, что соответствует примерно трети совпадений по списку базисной лексики. Однако между хаттским и хуррито-урартскими не обнаруживается ни одной пары слов, для которой можно было бы говорить о фонетической совместимости. Возможно, такой маловероятный результат связан с тем, что, ввиду недостаточной изученности хаттского пока не удалось выявить основные хаттские слова для соответствующих позиций сводешевского списка.

Типология фонетических изменений представляет собой не столь неразработанную область, как пишет автор на стр. 272 диссертационной работы, можно упомянуть хотя бы книгу *J. Blevins. Evolutionary phonology. The emergence of sound patterns* (Cambridge, 2004), а также множество статей, где эта тематика исследуется специалистами по синхронной типологии. Впрочем, те исходные посылки, которые принимает А.С. Касьян, не расходятся с выводами типологов.

Из шести шумеро-хурритских сближений лишь в одном фонетически совместимыми оказываются более одного согласного (при этом в трёх случаях второй имеющийся в хурритском слове согласный отделён как принадлежащий к другой морфеме), в остальных «двухсогласная» фонетическая совместимость достигается за счёт нулевого согласного в начале слова. На фоне общей тщательности работы этот фрагмент выглядит несколько странно.

Можно также оспорить надёжность отдельных ностратических этимологий, приводимых в третьем разделе. Так, сравнения хеттского глагола «намокнуть, насытиться» (и дравидийского «быть полным») с алтайским «киснуть, зреть» (№ 20), хеттских «внутренних органов» с картвельскими «жилами» (№ 25), а также хеттского «бока» с алтайским «низом» (№ 33) не кажутся семантически безупречными; в этимологии № 29 алтайские формы представляются недостаточно близкими по семантике, а уральские и картвельские демонстрируют не вполне совместимую фонетику. Символ ≠ вводится автором как обозначающий «спорные или маловероятные узко-и.-е. этимоны анатол. формы» (стр. 312), но уже в этимологии № 4 санскритская форма указывается как возможно родственная; такова же ситуация с этимологиями № 18 и № 37, где латинские формы, по мнению автора, нельзя отделять от рассматриваемых анатолийских. Возможно, стоило бы ввести, наряду со знаком ≠, какую-то дополнительную помету для обозначения тех форм в узко-индоевропейских языках, которые, хотя и нетождественны рассматриваемым анатолийским, но содержат тот же корень. Вообще же большинство проведённых автором сравнений очень качественные.

Авторская реконструкция праиндоевропейской системы числительных представляется несколько чересчур радикальной. Приводимые в работе данные демонстрируют, что уже в анатолийской ветви есть и семёрка, заимствованная из семитского, и девятка, предположительно образованная от прилагательного «новый», слова же для «5», «6» и «8» просто неизвестны. Таким образом, не засвидетельствовано ни одного числительного, кроме «4», которое бы не совпадало с узко-индоевропейским. Вместе с тем, автор безусловно прав в том, что индоевропейская система числительных претерпела некие перестройки: приводимые им данные со всей определённостью показывают, что старое обозначение числа «4» (*oḱt-) стало значить «8», а для числа «4» были введены новые обозначения, в анатолийском – одно, в узко-индоевропейском – другое. Но теоретически кажется невозможным введение нового обозначения для некоторого числа без кардинального изменения системы счёта, например, таким способом в русском языке появилось числительное «сорок».

В работе имеется некоторое количество опечаток: западносемитским (стр. 13), «иногда формы на *zi* имеют дублиеты с *zi*» (стр. 63; вместо первого *zi* должно быть *ti*), «булавка с трехгранной головка» (стр. 184), «реннесемитскими» (стр. 185), «северокавказсой прародины» (стр. 187), «котрые» (стр. 191), «прапродины» (стр. 192), «Разделение енисейско-бурушскую» (стр. 193; пропущено «на»), «с очно совпадающими значениями» (стр. 201), «такде» (стр. 241), «от и.-е. местоименной указательной **so-*» (стр. 383; пропущено «основы»), «И.-е. корень *ou-*» (стр. 383; пропущен знак *). В ряде случаев имеются нарушения синтаксиса: «хаттская глагольная словоформа не совпадает напрямую известным зап.-кавказ. схемам» (стр. 46); на стр. 16 последнее предложение выглядит так: «(вторая половина III тыс. до н. э.), видимо, требуют хаттской атрибуции», на стр. 29 написано «К не совсем обычному развитию грамматической функции аккузатив > инструменталь ср.» – и на этом предложение обрывается.

Необходимо отметить, что указанные замечания носят отчасти дискуссионный, отчасти чисто технический характер и не меняют общей высокой оценки работы.

Таким образом, диссертационная работа Алексея Сергеевича Касьяна «Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики» соответствует всем критериям Положения о порядке присуждения учёных степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. №74 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), являясь научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно оценивать как крупное научное достижение. Автореферат и опубликованные в рецензируемых изданиях работы отражают содержание диссертации и соответствуют требованиям «Положения» ВАК Российской Федерации, а автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Официальный оппонент

д.ф.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

С.А. Бурлак

10 августа 2015 г.

Сведения об оппоненте

Светлана Анатольевна Бурлак, д.ф.н., старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Почтовый адрес: Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Телефон: (495) 625-64-61

Факс: (495) 623-19-09

email: svetlana.burlak@bk.ru

сайт: <http://www.ivran.ru>

Подпись *Бурлак С.А.*
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав. канцелярией
10 августа 2015

Список основных публикаций С. А. Бурлак за 2010—2015 гг.

Бурлак С.А., Иткин И.Б. Yreki et autres addenda et corrigenda-2 // Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 342-358.

Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. Научное издание. Утверждено к печати решением Ученого совета Института востоковедения РАН от 01.12.2010 г. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.

Бурлак С.А. Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2012, №5(85), Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства №7. С. 1-8.

Бурлак С.А. Грамматические гены? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. – С. 5–9.

Burlak S.A. Languages, DNA, relationship and contacts // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2013, №5(106), Серия «Филологические науки. Языкознание»: Вопросы языкового родства №9. С. 55-67.

Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарские языки // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 2013. С. 386–398.

Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарский А язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 2013. С. 398–444.

Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарский В язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 2013. С. 444–485.

Burlak S.A., Itkin I.B. ‘Nevermore’ in Tocharian A: towards determining the functions of the word *śkaṃ* // Tocharian texts in context. Papers of the international conference on Tocharian manuscripts and Silk Road culture. Vienna, 2014. P. 1–8.